A man with a friendly expression is standing in a lush, green forest. He is wearing a light-colored bucket hat, a grey jacket, and a white t-shirt with some text on it. He is carrying a large, green, waterproof tarp over his shoulders, which is partially covering his jacket. The background is filled with dense green foliage and trees.

*Кей Чорнук
Вольф Гиндон*

Прогулки с Вольфом

Жизнь в заповедных местах Коста-Рики

**Кей Чорнук
Вольф Гиндон
Прогулки с Вольфом.
Жизнь в заповедных
местах Коста-Рики**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735327
ISBN 9785449316684*

Аннотация

В 1950 году несколько семей американских пацифистов-квакеров, несогласных с введением закона об обязательной воинской повинности, уезжают жить в Коста-Рику. Их община поселяется в глуши тропических лесов. Шаг за шагом они налаживают быт: создают фермы, строят дороги, школу, электростанцию, завод. Постепенно осознавая необходимость защиты уникальной природы этого благословенного края, они создают заповедник, который привлекает биологов со всего мира и становится жемужиной экологического туризма.

Содержание

Предисловие	5
Посвящение	9
1. Если выйти в лес сегодня...	11
2. Откуда мы пришли	28
3. В поисках мира	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Прогулки с Вольфом Жизнь в заповедных местах Коста-Рики

Кей Чорнук
Вольф Гиндон

Переводчик Сергей Никитин

Редактор Лариса Никитенко

Корректор Сергей Грушко

© Кей Чорнук, 2018

© Вольф Гиндон, 2018

© Сергей Никитин, перевод, 2018

ISBN 978-5-4493-1668-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

1982 год, 4.30 утра. Путь из Монтеверде в долину Пеньяс-Бланкас казался далеким, утомительным и долгим. Пассат завывал и бросал в лицо какую-то смесь тумана с дождем. Чтобы поверить в возможность совершить подъем в гору с большим количеством туристской поклажи обязательно необходим был кофе с кахета – местным липким карамелизированным нектаром. Нас так сильно искушала возможность увидеть восход солнца с континентального водораздела, меньшая вероятность дождя в ранние часы на атлантической стороне и, если повезет, даже перспектива солнечного дня. Нет ничего более великолепного, чем прогулка в лучах солнца в Пеньяс-Бланкас, когда коршуны с ласточкиными хвостами парят над хребтами нехоженых туманных тропических лесов.

Дорога через заповедник туманного леса «Монтеверде» была жуткой. В те дни в верховьях реки Пеньяс-Бланкас еще паслись коровы, и передвижение копытных было достаточно интенсивным, чтобы превратить дорогу в бугристую мешанину скользких комьев глины, вкрапленных в жидкую грязь. Идти стало легче, когда за вырубками начался лес и путь наш пошел вниз. Земное притяжение становилось союзником, но вскоре тропа стала более каменистой. Носки быстро протерлись в наших дешевых резиновых сапогах, а затем

обувь стала натирать ноги.

Перед нами вставал вопрос, где пересечь реку Пеньяс-Бланкас. Выбор зависел от многого: от веса и содержания наших рюкзаков, глубины, на которую были погружены в воду скользкие валуны, от того, насколько хорошо мы владели техникой перехода вброд. Глубина «по пояс» этой быстрой реки говорила, что поток воды может свалить с ног любого из нас. Русло реки было явно ненадежным, так что переход вброд представлялся непредсказуемым мероприятием. С утра начался дождь с мелкой изморосью, и мы были насквозь мокрые к тому моменту, когда днем увидели домик-приют.

Как бы то ни было, но в доме, принадлежавшем Эладио Крузу, практически всегда находилось местечко для путника. Это была такая деревенская гавань. На огне разогревались рис и бобы, а немного погодя появился кувшин с ароматным освежающим напитком вкуса кислого апельсина. На грубом деревянном столе были разложены образцы горбатов и жуков. После захода солнца зажигались свечи, пламя их мерцало и разбрызгивалось, когда на этот свет летели мотыльки и ручейники.

Вдруг с темного хребта в отдалении послышался крик. Чуть погодя мы услышали его снова. Так кричать мог только один человек. Через полчаса мы увидели свет тусклого фонарика, пробивающийся из чащи леса. Вольф Гиндон, мокрый, улыбающийся, с искрящимися глазами, размахива-

ющий выдавшим виды мачете, поднимался по ступенькам в дом, требуя кофе. Он поведал нам о своем походе. Как обычно его вояж состоял из нескольких переходов, подобных тому, что проделан нами. Мы слышали о походе по тропе тапира, затем по хребту в отдаленный город. А потом он спустился вниз через жуткое бездорожье и, наконец, добрался до дома Эладио.

Дождь то шел, то затихал, и шум капель, стучавших по металлической крыше, заглушал нашу беседу. К восьми вечера все почувствовали, что на сегодня хватит. Мокрые, грязные, с натертыми ногами, мы уснули благословенным сном биологов, попавших в края биологических чудес.

За час перед рассветом мы слышали глухой посвист голошейной зонтичной птицы. Вольф ушел с первыми лучами солнца. Я смотрел, как он уходит. Стройный человек – сами мускулы и сердце, могучее сердце – возвращается в тихий, мрачный лес.

Никогда в своей жизни – ни до, ни после этой встречи – я не сталкивался с человеком более целеустремленным и веселым, чем Вольф Гиндон. Он всегда шел куда-то с определенной целью. Он любил и по-прежнему любит тропические леса Монтеверде. Более трех десятилетий он был главным хранителем и неутомимым защитником дикой природы Монтеверде и Пеньяс-Бланкас. Только он знал, что происходит в самых отдаленных местах: где кто охотится, что едят тапиры, где оползень накрыл тропу. Вольф сыграл потрясающую

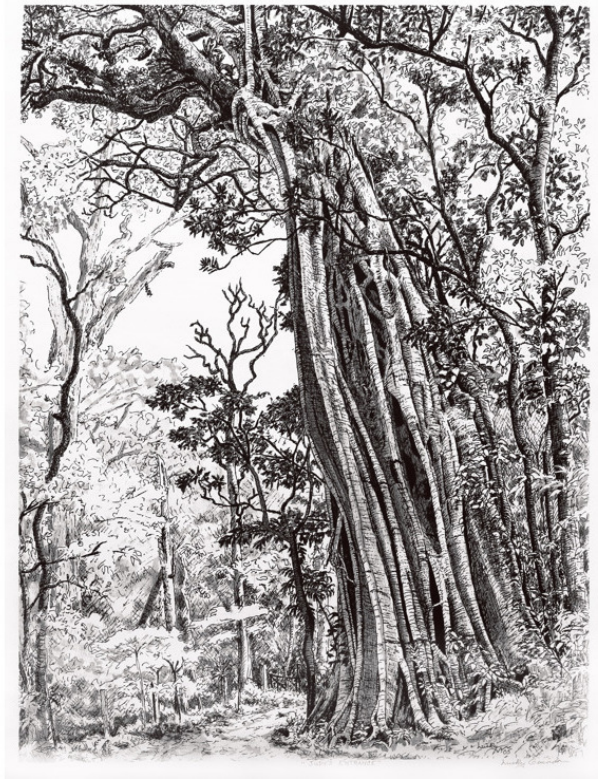
роль, вдохновив многих на защиту одного из самых больших тропических лесов, оставшихся в Центральной Америке. Он часть этого пейзажа. Его судьба и судьба этих пышных лесов переплелись навсегда.

Я глубоко благодарен Кей Чорнук за создание замечательного повествования о хорошем человеке, оказавшемся в замечательном месте в критический момент его истории. Вольф и его многочисленные соратники, подробно описанные в этой книге, могут гордиться тем, что они сохранили. Без них там ничего бы не осталось. Лишь коровы и поросшие сорняками пастбища. За время кампании по спасению этих лесов мы научились многому. Лично я узнал и понял, что необходимы деньги и знания, но их недостаточно для достижения цели по сохранению природы. В конечном итоге, ничего нельзя сберечь без страстных, преданных делу людей, таких как Вольф. Его дух и его любовь к лесу были основными ресурсами. Для меня этот поход был бесконечным удовольствием, и я считал за честь возможность пройти тропами Вольфа вместе с ним.

Адриан Форсайт, доктор философии, Вице-президент программ Фонда Blue Moon

Посвящение

Эта книга посвящается Ви Чорнук, которая с открытым сердцем делилась с другими своей страстной любовью к лесу. Ви поддерживала мечту Вольфа о создании длинной туристической тропы, учила Кей любить природу, часто смеялась и призывала ее писать эту книгу. Она написала бы и свою книгу, если бы прожила достаточно долго.

«Проход Джуди». Лаки Гиндон, 2005 г.

1. Если выйти в лес сегодня...

«Ну вот я тут. Я смотрю поверх верхушек деревьев через старые пустоши и далее – на хребет и континентальный водораздел, размышляя о предыдущих годах. Со мной такое всегда – мне нравится мечтать в пути. Когда вы достигли определенного возраста и физически начинаете все делать медленнее, у вас появляется больше времени, чтобы мечтать. Теперь я могу оглянуться назад и заглянуть в будущее.

Если говорить о мечтах, самое забавное в них то, как они меняются. Такие же изменения мы можем видеть в лесу. Когда-то мы приходили сюда с бензопилами, чтобы свалить деревья, создать пространства для пастбищ, и нам нравилась наша работа. Нынче доставляет удовольствие прийти сюда и увидеть, что та же земля в основном покрыта вторичным лесом. Мы поместили все это в банк, который называем заповедник туманного леса «Монтеверде». Теперь можно просто сидеть и смотреть, что с этим будет делать следующее поколение».

Вольф нажал кнопку «стоп» на своем маленьком черном диктофоне. Он закинул аппарат в рюкзак и соскользнул с пня, на котором сидел, с усилием передвигая онемевшие ноги. Мягкий туман, рассеиваясь, будто сползал из мимолет-

ных облаков вниз к нему. Вольф колебался, застыл на минуту, размышляя, следует ли ему двинуть назад, к дому. Мгновение спустя сияющий луч солнца на короткий момент пробился сквозь лиственный навес, поднимая пар от сырой земли. Внезапно безмолвие этой минуты было нарушено песней дрозда, переливающейся металлическими оттенками. Вольф поднял лицо к небу, ответил протяжным воем и прислушался, как его крик унес внезапный порыв ветра. Заметив упавшую ветвь дерева, Вольф взялся за мачете, оттягивая принятие решения. Он снова тронулся в путь, чавкая по грязной тропе, в поисках следов животного или человека, по мере продвижения подрубая растительность.

Вокруг него были изумрудные джунгли, ставшие его любовью на несколько десятков лет, пока его жена хлопотала по дому в Монтеверде. На очередном изгибе тропы он вспомнил еще одну историю, потянулся к сумке, достал диктофон и начал рассказ: «Ну вот, Кей, я тут подумал...»

Я встретила Вольфа в 1990 году на пышном зеленом плато, называемом Монтеверде, расположенном в горах Тиларан на северо-западе Коста-Рики. Наша дружба началась в феврале, во время потрясающего шестидневного похода сквозь живой, спутанный массив дикой природы, называемый долиной Пеньяс-Бланкас. Мы шли тропами, которые Вольф с товарищами прорубали и поддерживали проходимыми более сорока лет. Это был мой первый поход через такой чрезвычайно влажный мир. Мы прошли семнадцать ки-

лометров от заповедника туманного леса «Монтеверде» через территорию Детского вечного тропического леса к восточной границе заповедника, местечко Поко-Сол, где долина плавно переходит в регион Сан-Карлос.

Деятельность по сохранению природы Коста-Рики привела меня в эту крошечную центральноамериканскую страну. Родилась и выросла я в небогатом городе Южном Онтарио, но я дитя природы по своему внутреннему ощущению, и свою взрослую жизнь мне удалось провести в самых красивых диких местах Канады. Хотя я выходец из однородного пригорода, каждое общество, частью которого мне довелось быть, подарило мне знания о мозаике ценностей и философий, являющихся основой нашего общественного существования. Я всегда очень уважала увлеченных людей, которые трудятся ради здоровой и гармоничной планеты, и оказывала поддержку множеству начинаний, связанных с проблемой сохранения природы. Моей мечтой было посещение сообщества, в котором есть коллективная общественная сознательность.

Красота Монтеверде легко соблазнила меня. По мере того, как облака туманного леса окутывали меня, я всеми своими фибрами ощущала влажность тропиков и размышляла о нашей планете. Постепенно я познакомилась с сообществом, которое там существует. Выяснилось, что Вольф и его жена Лаки жили в Монтеверде с 1951 года, когда они прибыли сюда в составе небольшой группы американских кваке-

ров. Они переехали в Коста-Рику в поисках мирной жизни, разочаровавшись в разгуле милитаризма в их родной стране. Когда эти первопроходцы расчищали пространство для своих ферм, они решили оставить нетронутыми 554 гектара леса для обеспечения сохранности их водосборного бассейна. В 1960-е годы Монтеверде начали посещать биологи, а с ними возрос и интерес к невероятному биологическому разнообразию региона. В 1970-е годы заповедник «Монтеверде» взял под свою защиту лесистые склоны местных гор. Сегодня он входит в состав комплекса охраняемых территорий, раскинувшихся более чем на 60 000 гектаров.

Когда я шла тропами Монтеверде в тот первый визит, стало понятно: все, что я вижу и чем наслаждаюсь, – результат предвидения тех молодых поселенцев. Курс, которым они следовали по мере продвижения – от консервации небольшого леса до консервации такого огромного участка дикой природы – был столь же непростым и запутанным, как и тропа, по которой мы шли от Монтеверде через долину Пеньяс-Бланкас до Поко-Сол. Была только вторая неделя моего пребывания в стране, когда я наивно предприняла поход с Вольфом, который не только помог создать заповедник, но и провел остаток своей жизни, заботясь о нем. Тогда у меня не было понятия, что моя жизнь вот-вот преобразится под влиянием магии этих лесов в компании Вольфа Гиндона.

В общей сложности более миллиона человек прошли по центральным тропам заповедника с момента его появ-

ления маршрутом под названием «Треугольник». Мало кто отваживался на поход глубже, в джунгли. Но мы направились именно туда. Нас было трое: Марийка Михайлович, канадка, которая познакомила меня с Монтеверде, техасец Арт Педерсен, профессиональный походный гид, консультант по паркам, и я. Нам сказали отправляться в поход без Вольфа. Его я встретила несколькими днями ранее, во время волонтерства в Монтевердской лиге сохранения природы. На протяжении всей своей жизни Вольф ходил быстрее, чем большинство обычных людей, поэтому он мог выйти на день позже и легко догнать нас.

Покинув приемную зону заповедника, мы погрузились в капельную массу хлорофилла. Мы шли по старой дороге Эль-Камино, проторенной десятилетия назад переселенцами на лошадях. Теперь грязная колея привела нас через лес на тропу, идущую по гребню континентального водораздела. Мы вышли из чащи деревьев, и перед нами предстало огромное зеленое лоскутное одеяло леса, который простирается на восток, через долину, в направлении Карибской низменности, и на запад – к заливу Никоя на тихоокеанском побережье. Нам повезло – мы смогли полюбоваться этими видами. А когда облака идут низко, невозможно что-либо увидеть дальше, чем на расстоянии трех футов перед собой.

Проходимость троп здесь поддерживается рабочими, которые все время машут мачете, подрубая непрерывно ползущие лианы и разрастающиеся кусты. Если эти дорожки оста-

вить без присмотра, то спустя несколько недель их трудно будет найти. Здесь – на высоте 1600 метров – много теплых и ясных дней. В такие дни можно буквально услышать, как растения лезут вверх, устремляясь к палящему над плотным куполом листвы солнцу. Обычно лес укутан облаками тумана. Часто дует сильный ветер и гонит туман сквозь заросли деревьев. Порой случается безветрие, и земля вбирает влагу от проливного дождя подобно губке, оказавшейся в воде. Дождь и стабильно умеренные температуры создают особый климат для роста, который никогда не прекращается.

Мы шли вперед, и дорога становилась все уже, пока не превратилась в петляющую тропинку, которая, в конце концов, привела нас к реке Пеньяс-Бланкас. По бокам тропы цвели бальзамины. Эти африканские растения, завезенные сюда на европейских судах, в Америке почувствовали себя вполне хорошо. Местами они доходили нам до плеч. В стремлении отвоевать любой кусочек невостробованного никем пространства между лесом и тропой, они переплетались друг с другом, и, казалось, стремились ввысь, чтобы там заполучить на свои влажные листья поцелуй солнца. Здешний климат по нраву и темно-розово-лиловому агератуму. И нежные бегонии стараются быть заметными в зеленых кущах. Помимо этих знакомых всем растений, я наблюдала здесь такое разнообразие природы, что биологи в этих краях буквально встают на колени в понятном стремлении постичь тайны, спрятанные в лаборатории под открытым небом. Ты-

сячи растений живут в деликатной гармонии этой микропланеты зеленого мира: тут тебе и миниатюрные орхидеи, соседствующие с огромными листьями-зонтиками, и трепещущие бромелии, и многочисленные побеги лозы с лианами.

Осторожно ступая среди всей этой роскоши, я была потрясена, почти напугана могуществом вегетативного роста. И, вместе с тем, в тени древесных гигантов таилось спокойствие. Их перекрученные стволы терпеливо стремились ввысь, сквозь густую листву, сквозь облака тумана, туда – к многообещающему голубому небу. Эти деревья наверняка были родственниками энтам Толкина, своей непокорностью веками противившиеся силам, желавшим их падения.

По мере снижения на спуске мы начали ощущать, как тепло и влага буквально охватывают нас. Хотя все вокруг указывало на сильную влажность, которая поддерживает жизнь в горах, наш первый день был жарким и солнечным, и было приятно оказаться в прохладном тропическом лесу. Мы шли по тропе около пяти часов под аккомпанемент хора насекомых. Пройдя девять километров, достигли одного из основных приютов, убежищ для путников, в этой местности. Здешние приюты носят имена известных или недавних жителей. Один назван Эль-Алеман, «Немецкий», в переводе с испанского, в честь Клауса Штайна. Он продал свой дом заповеднику в конце 1980-х годов. Разбросанные по всему лесу, такие дома обеспечивают сухой и относительно комфортный ночной отдых для лесничих и рабочих. Они также

являются своего рода сухим оазисом для уставших туристов и студентов, изучающих тропическую биологию.

Наш поход был трудным, и я падала от усталости. Тропа извивалась вниз и вверх, и снова вниз, через спутанные корни и упавшие деревья. Это была хорошая тренировка для наших ног и легких. Мы спустились на более низкую отметку 900 метров возле реки. Воздух был теплым и влажным, а вода постоянно капала нам на кожу. Мы никогда не были уверены: вода ли это, капающая на нас с лиственного покрова, туман ли, дождь, пот. А может быть, это обезьяны испражняются на нас, что они, как известно, делают, если вы находитесь под ними.

Звуки вокруг нас можно было тоже назвать атмосферными джунглями: были слышны попискивания и трели, воркование и кудахтанье, капель и нашептывание, шорохи и гул. Трудно было отвести взгляд от огромного массива листьев всевозможных форм, ветвей, покрытых мхом, ярких миниатюрных цветов, от захватывающих дух видов, внезапно открывающихся нашим взорам. Сверкающее оперение ярких птиц и всевозможные цвета блестящих жуков приковывали наше внимание. Но нам приходилось постоянно следить за дорогой перед собой, в ожидании встречи со скользкими камнями, опасаясь закрученных петель лоз, которые, казалось, хотят схватить нас за лодыжки и утянуть к себе в свои зеленые ловушки. Нам говорили, что, если повезет, можно заметить следы пумы или тапира Бэйрда, редко встречаю-

щихся обитателей этих лесов. Еще нам приходилось быть все время начеку из-за змей.

Это был край змей, о которых ходили легенды. Тут обитали ядовитые ферделансы, красочные коралловые змеи, реснитчатые гадюки и агрессивные черные змеи. Вероятность увидеть ядовитую змею была низкой, как и вероятность быть укушенным. Но нам рекомендовали быть настороже. Боязнь змей имеет гораздо больше шансов испортить настроение людям, чем доставить неприятность самим змеям.

Мы отыскиали Немецкий приют по запаху дыма и мужским голосам. Войдя в избушку, представились находившейся там группе работников. Мое понимание беседы было ограничено, поскольку мой испанский был практически на нуле, а эти люди знали лишь несколько слов по-английски. В последующие годы многие из этих молодых ребят стали моими друзьями, но на тот момент они были, в большинстве своем, типичными застенчивыми тикос – таково расхожее прозвище костариканцев. Они были такими же робкими со мной, как и я в общении с ними. Человека, резавшего кусочки мяса и бросавшего их на горячую сковородку, звали Эладио Круз. Казалось, что он тут главный. Его добрые глаза и учтивые манеры способствовали тому, что мы почувствовали себя желанными гостями.

С улыбкой он предложил мне кусочек мортаделлы. Я умираю от голода, и до сих пор помню, как этот кусок вареной колбасы показался мне столь же великолепным, как если бы

это был стейк из ребрышек. Эладио за свою жизнь накормил сотни студентов, проходивших практику в тропическом лесу, и знал, как могут быть голодны путешественники, особенно когда они входят в дом, где готовится пища. Я не сомневаюсь, что мы выглядели голодными и усталыми, потому что мы и были именно голодными и усталыми. Я буду всегда благодарна Эладио за тот простой дар бесхитростной еды.

Темнеет в этих краях где-то между 6 и 6.30 вечера. В одно и то же время круглый год, по причине близости к экватору. Поскольку мы находились в низине, темнело и того раньше. Изнемогшие, мы готовы были рухнуть спать, но именно в это время ночные твари начали свою репетицию. Мы расположились в спальне под аккомпанемент криков и рева обезьян, под стаккато лягушек динк и шум реки, бегущей со скал. Моей кроватью была твердая деревянная плаха, едва смягченная пенопластом. Несмотря на отсутствие комфорта, звуки этой «колыбельной» доносились до меня не дольше одной минуты.

Кажется, лишь только я заснула, тут же и проснулась от какофонии воплей. Мои глаза открылись, и я попыталась сфокусировать свое зрение в предрассветной мгле.

– Что это такое было? – спросила Марийка с койки надо мной.

Мы слышали, как рабочие двигаются на кухне. Сквозь тонкие деревянные стены до нас доносилось бормотание их голосов. Кто-то рубил дрова. Затем «ку-ка-ре-ку», за ко-

торым слышен смех из соседней комнаты. Я не знала, как мне поступить: то ли спрыгнуть с кровати, то ли спрятаться под ней.

– Эй, что вы там делаете, спите что ли? – раздался дружелюбный голос. – Вы, ребята, уже должны были быть одеты и на полпути до Сан-Хосе.

– Наверное, это Вольф, – предположил Арт, выползая из постели. – Это, должно быть, призыв к пробуждению для нас.

– Который час? – спросила я, потягиваясь всем своим ноющим телом.

– Пять тридцать по моим часам, – ответил Арт, подходя к двери.

– Боже праведный! Откуда он только взялся? – застонала Марийка. Мы не совсем еще проснулись, но было ясно, что заснуть уже не удастся, поэтому мы встали с постелей и начали натягивать на себя одежду. Запах свежего кофе и дыма проникал сквозь трещины в стене, пробуждая чувство голода.

Спустя несколько мгновений Вольф поднялся по ступенькам. Дверь распахнулась.

– Ну, девушки, доброе утро! Я думал, что вы уже давно встали. Эти кровати, должно быть, оказались слишком удобными для вас.

В раннем утреннем свете было видно, что лицо Вольфа покрыто бусинками пота. Густые седые волосы прилипли

к черепу после того, как он вытер пот со лба своей большой и грубой рукой. Улыбка, искрящаяся в его глазах, вторила его словам: «Я решил сделать все, чтобы сегодня мы хорошенько стартовали».

– Долго ли вы шли в темноте? – спросила Марийка, встряхивая мусор из своих носков. – Там ведь едва забрезжил рассвет.

– Я вышел из дома около половины четвертого. Я мог бы прийти сюда быстрее, но подумал, что надо немного расчистить тропу. Нет смысла просто идти, всегда надо что-то делать по дороге, – ответил Вольф. Он сел на деревянную скамейку и стянул с ног резиновые сапоги. На свет божий появились его грязные ноги без носков. Мозолистые ноги, сморщенные от долгих часов, проведенных внутри в сырой тьме.

Вольф в свои молодые годы, наверное, был сильным, как горный лев, потому что теперь в свои шестьдесят он был словно одна длинная живая мышца – ни больше, ни меньше. У него был типичный фермерский загар: шея и предплечья красно-коричневого цвета контрастировали с бледным торсом и волосатыми белыми ногами, которые мы увидели, когда он без тени смущения сменял при нас свою потную футболку и брюки на слегка более сухую и чистую одежду, предусмотрительно прихваченную с собой. Спутанные клоки волос на его лице – шерстяные бакенбарды. Густые брови служили выразительным глазам защитой от струящихся порой по лбу капель пота и дождя. Скулы слегка выдавались,

что было еще более заметно, когда он смеялся. Лицо постоянно выражало его эмоции, сменявшиеся так же быстро, как и байки, коих он знал множество. Я замечала, что слезы с легкостью наворачивались на его глаза, когда Вольф делался подчас болезненными для него воспоминаниями или демонстрировал вспышку гнева. Но лицо его так же быстро озарялось широкой улыбкой, ироничной и объяснявшей все. Как я поняла за время этого похода, большое сердце и мягкая душа Вольфа проявлялись буквально во всех чертах его лица и в каждой истории, рассказанной нам.

После завтрака наша четверка прошла восемь километров до приюта Поко-Сол¹. Небольшое озеро служит здесь водоемом для крупного рогатого скота и белых цапель, которые его обычно сопровождают. Мы поняли, что для нас там было очень даже *мучо сол*². Мы любовались многочисленной популяцией птиц и обильной растительной жизнью. Мы были очарованы тем, что увидели. Я чувствовала себя не в форме гораздо в большей степени, чем могла бы предположить. И Вольф всегда возвращался ко мне, когда я отставала. Он вынул из моего вещевого мешка все, что мог, и иногда даже нес весь мой рюкзак, чтобы я могла преодолевать затяжные подъемы, не задерживая остальных. Я совершенно не понимала, почему я такая медленная. Я росла походным ребенком. Мы ходили тропой Брюса с переходами через неровные

---

¹ poco sol – (исп.) мало солнца

² mucho sol – (исп.) много солнца

откосы Южного Онтарио. Как правило, я не отставала от своей группы. А теперь – нате вам. Мне всего тридцать один год, и кто-то вдвое старше меня, легко уходит вперед! И только несколько месяцев спустя я поняла, что мешало мне в тот день.

Вольф влюбился в эти наполненные испарениями джунгли в свой самый первый поход через них, в 1952 году. С тех пор он намерил колоссальное количество миль, часто один в этой тропической чаще, в поисках следов сквоттеров, охотников, браконьеров, расчищая пограничные линии и следуя тропами диких животных, забираясь на отдаленные хребты. Вооруженный своим верным мачете, он никогда не упускал шанс сдерживать невероятный рост растений, расчищать бурелом, перегородивший тропу, подрубать бальзамины, таким образом, чтобы всякий путник, обходя эти растения, не слишком промок.

Вольф ловко орудует своим мачете, и на ум приходит сравнение с дирижером некоего лесного симфонического оркестра. Вот дирижер махнул рукой, и острый металлический инструмент поддерживает стремительный темп, и при этом наш дирижер добавляет свои собственные синкопы. Тональность и ритм его рубки меняются по мере того, как он срубает деревянные стебли все ближе к земле – чок! А затем он добавляет новую тональность своей музыке тем, что отсечена лоза повыше – пинг! Стрекошущие насекомые, дрожащие листья и посвистывающие птицы дополняют мелодию.

Время от времени Вольф замирает и прислушивается, и его довольная улыбка тогда говорит, что, конечно, нет ничего милее, чем акустическая гармония леса, полного жизни.

В самом начале нашего похода с Вольфом я старалась идти за ним, потому что мне не нравилось ощущать мачете позади меня, и все равно я не могла опередить нашего проводника. Вскоре я приноровилась держать дистанцию хотя бы на расстоянии взмаха мачете. Когда Вольф идет и раскачивается, он часто оборачивается, и его мачете просто-таки летает в воздухе. После того, как мы провели много лет в совместных путешествиях, я переменяла свою позицию в движущейся группе, чтобы быть уже перед ним, и все же находясь на безопасном расстоянии. Так что я научилась определять нужную скорость передвижения и смогла отчетливо слышать его комментарии.

Одновременно с ходьбой и рубкой Вольф постоянно разговаривает на своей уникальной языковой смеси алабамского английского и местного испанского. Истории из него так и сыпятся, подобно манне небесной. Вольф говорит таким же образом, как и ходит: часто кругами, часто меняя направление разговора. Если вы в состоянии разобраться в его бормотании и следовать его сюжетной линии, то вас будут бесконечно развлекать его рассказы о встречах со старыми охотниками, походах вдоль бушующих рек и отслеживании неуловимого тапира. Он знает дикую природу Коста-Рики так, что едва ли кто может с ним сравниться. Он готов

неустанно идти по тропам в течение нескольких часов, часто в темноте, при свете луны, или с небольшим фонариком, обливаясь потом, с рюкзаком на спине, полным провизии. Он сопровождал известных биологов, часами искал пропавших туристов и уходил на много километров в лес, а потом снова возвращался в Монтеверде, чтобы провести еще одно совещание, посвященное сохранению земли и ее богатств. Вольф известен не только политикам Коста-Рики, международным экологам и профессиональным ученым, но и всем обитателям округи, в том числе тем, кто живет в самой отдаленной части этой местности.

К концу нашего похода Арт, Марийка и я договорились убедить Вольфа записывать свои рассказы. Мы подумали, что портативный диктофон будет идеальным для этого случая, поскольку Вольф редко сидит неподвижно, а в джунглях страсть к историям буквально овладевает им. Я решила, что смогу расшифровать записи с диктофона, перенеся их на бумагу, если он согласится с нашим предложением. Вначале Вольф отказался от затеи с диктофоном, но вскоре сказал, что попробует. К тому времени я помогала биологу Налини Надкарни и смогла позаимствовать диктофон у ее ассистента. Я отдала аппарат Вольфу, сказав: «Если ты будешь рассказывать свои истории, я облеку твой *вольфский язык* в письменную форму».

Эта книга – результат всего, что было произнесено во время путешествий. Семнадцать лет прошло с момента нашего

первого совместного похода. За монологами Вольфа и нашими беседами мы исходили множество извилистых троп. Ниже в основном приводятся продиктованные рассказы Вольфа. В других случаях изложенное на этих страницах – результат кропотливого просеивания его потока сознания. Истории, как золото, были отобраны из руды болтовни, выслушанной в совместных походах. Я расшифровала и отсортировала все художественные отступления, переписанные с лент, и обсудила с Вольфом каждый наш диалог. Сложность задачи состояла в том, что хотелось все-таки сохранить его своеобразный диалект и при этом сделать его мысли понятными. Моя жизнь и мой опыт не стояли на месте в это время, и этот факт тоже отражается на страницах. Я описала, как росла наша дружба, и как наше упорство заставляло нас двигаться вперед. За эти годы я собрала еще больше рассказов семейства Гиндон и всех, кто тоже захотел поделиться своим опытом прогулок с Вольфом. Все вместе мы представляем на суд публики жизненный путь уникального человека, который переехал из Алабамы в Коста-Рику и который никогда не прекращал учиться, любить и смеяться во время восхождений по дорогам этого горного тропического рая.

2. Откуда мы пришли

«Я посвящаю этот день отцу и матери, которые задумали мое появление на свет. Они – единственные, кому я обязан присутствием здесь. Мои дети, когда были маленькими и еще учились в школе, где-то позаимствовали идею, что они были лишь тенями в очах Божьих, до того как родиться. Там был и я до наступления своего первого дня.

Так что благодарение моим родителям за данную мне возможность оказаться там, где я теперь, за то, что я мог проложить свой путь к берегу реки. Я пришел сюда около полуночи, без четверти двенадцать. Горит свет. Я отдохну. Кофе у меня уже в кружке, и через час-другой я продолжу свой путь, чтоб достичь цели, когда пропоют петухи».

Вольф в Пеньяс-Бланкас

С того момента, когда в 1990 году наши жизненные пути пересеклись, я несомненно обогатилась от знакомства с этим застенчивым человеком, которому удается шутить практически в любой ситуации. Одним из первых впечатлений о Вольфе было то, что передо мной очень самокритичный человек. Это при его образованности и богатом опыте путешественника, при том, что он был лидером в своей коммуне, защитником природы, признанным на национальном и международном уровне. Прежде всего, он очень скромнен.

Его воспитывали как квакера, с такой жизненной философией, при которой разум открыт для познания, а сердце – для других людей с их идеями.

Религиозное общество Друзей (квакеров) появилось в Англии в середине семнадцатого века в период активного религиозного и политического брожения. В те годы английский перевод Библии стал широко доступен общественности. Многие начали искать альтернативные практики богослужения, выходящие за рамки, очерченные традиционными церквями. Джордж Фокс основал Общество Друзей Истины и впервые собрал людей в молчаливой молитве для осознания присутствия Бога. Многие Друзья, как они себя называли, подвергались преследованиям за свое инакомыслие. Для них обычным делом было предстать перед судом и оказаться в тюрьме. Однажды, давая показания перед судом, Фокс заявил, что судьи и присутствующие должны трепетать пред именем Господа, за что получил унижительную кличку «квакер»³. Затем это язвительное определение стали использовать в отношении последователей Фокса. Впоследствии оно стало признано и самими Друзьями.

Для приверженцев этой религии квакерство – образ жизни. Это недогматическое движение основано на определенных взглядах, таких как открытость и прощение. Эти жизненные принципы реализуются на практике как каждым индивидуумом в отдельности, так и всеми адептами этой церк-

---

³ quaker – (англ.) трепещущий

ви. Фундаментальные принципы у квакеров, в частности, включают в себя готовность к принятию новых взглядов, терпимость к разным мнениям и готовность работать для примирения всюду, где есть конфликт. Ненасилие в мыслях, словах и делах – основа квакерства, и поэтому Общество Друзей общепризнанно считается одной из традиционных «мирных церквей». Квакеры, как правило, живут скромно, но не по-пуритански. На их молитвенных собраниях можно высказываться, молиться, петь или цитировать Писание. Все идет от сердца любого участника собрания, чувствующего порыв к тому, чтобы поделиться. Порой собрания проходят в полном молчании. Для квакеров ни церковь, ни организация, ни даже слова Библии не имеют высшего авторитета. Друзья не настаивают на том, что их путь – единственно правильный. Они открывают двери всем интересующимся, не принуждая их вступать в Общество Друзей.

Вольф верил, что родители и квакерское образование заложили надежную основу в его жизни. Он пережил много бурь. Этого человека можно сравнить с ивой, чья корневая система уходит вглубь, а гибкие ветви грациозно развеваются под дуновением ветров перемен. Чувство юмора Вольфа не только увеличило число морщин на его добром лице, но, несомненно, помогало ему в трудные времена и даже вызывало симпатии у его оппонентов.

Начало жизненного пути Уилфорда Фрэнсиса Гиндона совпало с тяжелыми годами депрессии в США. Он родил-

ся в Барнсвилле, маленьком городке в восточной части штата Огайо, 17 августа 1930 года, в семье Альберта и Берты (Холл) Гиндон. В течение первых пяти лет его жизни семья оставалась в этом городе, чтобы быть рядом с родственниками матери. Родня его отца, когда-то жившая в Вермонте, переехала в Фэрхоуп, штат Алабама.

Родственники с обеих сторон являлись квакерами. Уилфорд, его братья и сестры получили образование в квакерских школах. Он был четвертым из пятерых детей, после братьев Уильяма и Клиффорда и сестры Мэри Евы; младшую сестру звали Сара. Детей отправили в квакерскую Школу Друзей, где обучение проходило в одной единственной классной комнате. В год, когда Уилфорду исполнилось шесть лет, семья переехала в Фэрхоуп, потому что отец должен был помогать своим больным родителям. Тяготы распада семьи стали ощутимее, когда выяснилось, что им придется расстаться с матерью.

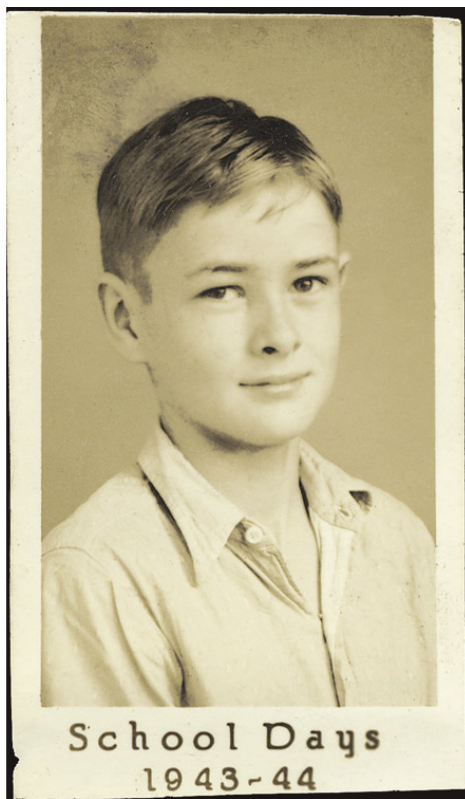
«Одна из первых бед, с которой мне пришлось столкнуться в молодости, – сообщение отца о том, что нашей маме придется отправиться в психиатрическую лечебницу штата Огайо. Там, о ней могли бы заботиться и лечить ее, потому что она не могла справляться с ведением домашнего хозяйства. По-детски мы задавались вопросом, за что она была наказана и отослана прочь от нас. Я не понимал эту ситуацию. Прошли годы, а я всегда помнил эту печальную страницу в истории моего взросления – мамы нет с нами дома. Я

много раз размышлял об этом – и юношей, и взрослым.

Позже отец объяснял случившееся тем, что моя мама была очень хрупкой. Он говорил про ее слабое здоровье и про то, что старшая сестра матери, женщина сильная и уверенная, командовала ею. Мама находилась в лечебнице, начиная с 1935 года. Позже она покинула больницу и жила со своими родителями около Барнсвилла. Побывав в Фэрхоупе за несколько лет до этого, она приобрела твердое убеждение, что жить там никогда не сможет, поэтому так и не вернулась в Алабаму. Она жила в Огайо, и мы приезжали к ней, когда у нас бывала такая возможность. Мы с ней стали ближе лишь в мои школьные годы, когда я вернулся в Огайо для учебы в школе-интернате».

В Фэрхоупе Уилфорд продолжил свое обучение, сначала в квакерской школе, а затем в Школе органичного образования. Это было частное учебное заведение, основанное Мариеттой Джонсон, считавшей, что образование должно быть органичным, а обучение – делом, не прекращающимся на протяжении всей жизни. В школе давали обычные уроки, но важной частью образовательного процесса было овладение навыками через обучение ремеслам: деревообработке, кожевенному производству и керамике. Студенты упражнялись в народных танцах и устраивали выставки для родителей и местных жителей. Это была школа практических навыков, в ней делалось все, чтобы молодые и бойкие мальчики, такие как Уилфорд, были вовлечены в учебу, и им было бы

интересно.

Уилфорд Гиндон в школьные годы

«У нас были недлинные уроки, и оценки выставлялись как за поведение, так и за академические успехи. Упор делался

на том, чтобы научить нас быть *леди и джентльменами*, как говорил наш учитель. В этой школе экзаменовали только раз в год, что сильно отличалось от опыта, полученного мной в школе-интернате с обучением в отрыве от жизни. Большую часть учебной программы в Школе органического образования занимали семейные мероприятия. Именно в те времена мне особенно сильно не хватало мамы. Мне хотелось, чтобы она увидела мои выступления.

Я думаю, что именно там были заложены основы моей философии с принципами, почерпнутыми у квакеров, когда вам не указывают, что надо делать, а чего не надо. Вместо этого, скорее, направляют и показывают примеры, способствуя осознанию ценности быть честным, необходимости заботы о своем теле и здоровье, ненасилия во всех аспектах жизни. Я понял, какова награда жить порядочным человеком. Мы получали представление о ценности доброго отношения друг к другу. Мы осознавали, что надо жить, делая лишь то, что правильно, а не повиноваться стадному чувству и тупо следовать за другими».

В 1945 году Уилфорд вернулся в Огайо, где пошел в квакерскую школу-интернат, расположенную на окраине Барнсвилла. Школа была известна под неофициальным названием Олни. Это название позаимствовано из стихотворения «Олни Грин», написанного бывшим учителем и священником Луи Табером, и утверждено студенческим советом в 1876 году. Величественные здания из красного кирпича с классны-

ми комнатами и общежитиями были окружены гигантскими старыми деревьями. В студенческом городке к услугам его обитателей имелись спортивные поля. Там же было молочное стадо, фруктовый сад и небольшое озеро, окруженное лесом.

В школу Олни (она называется Школа Друзей Олни) и теперь приезжает молодежь из Северной Америки и даже из более удаленных частей света. Едут для того, чтобы получить образование, в основе своей базирующееся на квакерских ценностях. Зеленые волнистые склоны этих мест отличаются от равнинных районов западного штата Огайо. Фермерские хозяйства разделены лесополосами, и узкие дороги петляют, огибая роскошные старинные усадьбы. Однако преобладают в этих краях небольшие скромные жилища. Кроме квакеров здесь живут амиши. Их лошадиные повозки, замедляющие темп движения автомобилей, видны тут и там.

Родственники Уилфорда по материнской линии, семейство Холл, все еще жили в этих краях, также как его брат Клиффорд и две сестры, которые в свое время вернулись в Огайо. Его кузены учились в Олни, они-то и помогли Уилфорду приспособиться к жизни в общежитии и к обучению в учебном заведении, где придерживались формальной системы выставления оценок.

«Мы должны были сдавать ежегодные государственные экзамены и получать оценку. В течение всего года сложно было выйти, по крайней мере, в среднем, на оценку *си с ми*»

нужом. В противном случае предстояла дополнительная работа или неуд. Мне удавалось удержаться чуть-чуть выше линии отсечения. Если бы я учился усерднее, то, вероятно, мог бы получить оценку лучше, но большая часть времени моей учебы была потрачена на общение. Многочисленные встречи с девушками и парнями, тусовка с соседями по комнате, познание того, как делиться и как ладить, как дразнить и каково это – самому быть объектом насмешек, а после этого никогда никого не дразнить. Именно тогда я сформировал основу своих взглядов на политику и на людей. Я понял, что такое жизнь, и научился отличать важное от второстепенного.

Это были четыре года учебы под присмотром лучших учителей, о которых можно было бы только мечтать. Они были морально выше всех нас и полностью посвятили себя своему делу. Они научили нас самим решать все проблемы, вместо вымещения зла на учителях, или на соседе по комнате, или еще на ком-то.

Прозвище у меня появилось в школе-интернате. На собраниях мальчики сидели с одной стороны зала, а девочки – с другой. Будучи квакером из южных штатов, я не выносил никакой сегрегации, поэтому на каком-то собрании я сел в той половине зала, где были девушки. Некоторые ребята начали обзывать меня, сказав мое имя Уилфорд на Вольфорд. В те времена солдаты, пытавшиеся флиртовать с молодыми женщинами, пытались привлечь их внимание посви-

стом. Таких свистунов называли «волками». Из-за того, что я всегда был против правил, разделяющих мужчин и женщин, я стал зваться «волком», то есть Вольфом. Похоже, именно с той поры эта кличка и пристала ко мне».

Школа-интернат была для Вольфа местом личного прозрения, формирования его личности. Он сделал несколько великих открытий, которые остались с ним на всю жизнь. Первое из них было связано с его участием в спортивных мероприятиях, обязательных для школьников. Он пристрастился к командным видам спорта и особенно полюбил баскетбол. Однако ничто не могло сравниться с тем чувством свободы, которое он испытывал, когда ходил по окрестным холмам и лесам.

«В Олни, играя в баскетбол, футбол и бейсбол, я понял, что такое командная работа. Мы стремились к высоким спортивным достижениям и знали, что игра имеет смысл, если ты выкладываешься полностью. При наличии системы начисления очков в школе каждый старался зарабатывать оценки за спорт. Особенно мы стремились получить то, что называлось в нашей школе *большое О* – максимальная оценка, которую каждый год получали всего пять или шесть человек. Помимо командных видов спорта, у нас была еще и походная программа. Нам начисляли балл за каждую милю, которую мы проходили. Тогда я и узнал о том, что такое поход. Вот из-за походов и других видов спорта, в которых я участвовал, мне удалось за четыре года заработать отличную

оценку, выраженную в виде большой буквы О.

Стоит еще рассказать о походах. Мы ходили по уже проложенным маршрутам, которые покрывали большую часть нашей округи, и довольно подолгу, до завтрака. Хотя нам нельзя было покидать школу до 5 утра, вернуться нужно было не позже 8 часов. Если мы опаздывали на завтрак, то теряли очки, но все равно старались пройти восемь или девять миль до утреннего приема пищи.

Путешествия по тропам и дорогам в редко посещаемых и менее населенных местах помогли мне ближе познакомиться с природой. Мы навевались в небольшие перелески, стояли лагерем на берегах рек вблизи Барнсвилля. Я тогда не осознавал, как все это помогло мне влюбиться в природу и приучило к хождению пешком, что, в свою очередь, привило любовь к тем краям, где я прошагал столько миль. Тогда я, конечно, не знал, что это будет одним из ценных качеств, приобретенных мной до приезда в Монтеверде. С первых дней в Коста-Рике я передвигался только пешком или верхом. Мне всегда нравилось путешествовать куда-то и знакомиться с людьми.

За четыре года моего пребывания в школе-интернате своими пешими походами я покрыл расстояние, равное пути из Огайо в Алабаму и обратно. Этот маршрут – туда и обратно – составляет около 2430 миль. Скажем прямо, это хороший результат».

В Олни бурлила активная общественная жизнь, но Вольф,

парень из южных штатов, не ожидал, что в школе ему кто-то может понравиться. Кто может сравниться с красотками Юга? Ему повезло, что в старших классах он встретил Эмму Люсиль Стэндинг, девушку из семейства квакеров из Эрлема, штат Айова. Она привлекла его внимание. Впоследствии Эмма стала его женой.

«Учеба в школе-интернате имела еще одно преимущество среди прочих. Школы такого типа назывались *фабрикой знакомств*, и это было правдой. Моя школа и в самом деле была такой фабрикой. Сведите подростков вместе на четыре года, и, как правило, они быстро смекнут, что к чему, и за такой срок найдут себе приятеля. Мне потребовалось три года, чтобы въехать во все, и через три года я встретил девушку, которая теперь стала моей женой. Лаки была одной из этих высоких, вскормленных кукурузой барышень из Айовы. Она отличный человек, и я ни разу не пожалел о том, что отправился на Север в поисках своей половинки.

У Эстона Роквелла, моего доброго друга и нашего старосты в старших классах, был автомобиль *Ford Model T*. Он, старшеклассник, пригнал эту машину в школу из штата Айова просто для того, чтоб доказать, что он на это способен. Эстон должен был поставить машину на хранение еще до начала занятий, но прежде чем поставить ее на прикол, мы захотели прокатиться в последний раз. Едем мы, значит, по дороге, и вдруг видим двух девушек, идущих по шоссе. Ну, мы их подобрали. На удачу в его машине не хватило сидений для

всех нас, поэтому одной из них пришлось сесть мне на колени. Мы добрались до школы и высадили девушек, потому что все, что было у нас на уме, – ах, это последняя поездка на Model T. Мы думали только о машине, не сомневайтесь.

Позже я узнал, что девушка, сидевшая у меня на коленях, Люсиль Стэндинг, была младшей сестрой Флоренс, жены моего двоюродного брата Кэрола Гиндона. Я к тому моменту уже заметил, что брак заставил его остепениться, и решил, что женитьба, наверное, неплохая затея. И хотя в старших классах я не был настроен на постоянные отношения ни с одной девушкой, я отправил Лаки записку, чтобы посмотреть, сможем ли мы пообщаться на каком-нибудь мероприятии. Мой хороший друг Херб Смит из Айовы рассказал мне, какая Лаки необычный и замечательный человек. Ну а потом я и сам узнал уже на личном опыте, что она была исключительно милой. Другой нашей попутчицей в Model T была Мэри Чамнесс, которая позже стала женой Эстона. Так что, получается, что в той «последней» поездке дело было не только в том, чтоб покататься.

Недавно Лаки напомнила мне, что на первом мероприятии в том году кто-то запустил фейерверк и прокричал: «Этот грохот должен нас развлечь».

Ответственными за то мероприятие были старшеклассники, и я, наверное, был единственным человеком, у кого мог быть файер, потому что в Алабаме они продаются круглый год. Лаки тогда спросила, кто этот запускатель фейерверков,

и ей ответили: «Это Гиндон». Она сказала: «А, Гиндон! Моя сестра замужем за Гиндоном». Она быстро свела разрозненные факты вместе. Хотя мы и состояли в некотором родстве, я не думаю, что мы знали друг друга до того момента.

Когда мы познакомились, Лаки была на втором курсе. А когда она была уже на последнем курсе, я сделал ей предложение, но не давал ей кольцо, пока она не закончила школу».

Учеба в Олни оказала глубокое влияние на Вольфа. Именно оттуда берет начало его интерес к биологии, а также к химии и физике. У него были отличные учителя, которые не только сделали эти сложные предметы понятными, но и обучили умению применять научные знания в повседневной жизни. Эти базовые знания обеспечили Вольфа ценной информацией, на которую он мог опираться, когда позже работал с учеными в различных лесах Коста-Рики.

«Только потом, будучи взрослым человеком, я понял, насколько было важно надлежащее образование, которое Олни дал мне. Когда я оглядываюсь назад и думаю о том, что узнал из разных источников, и кто действительно повлиял на мою жизнь, я вижу, что очень много было получено в школе. Именно там я узнал, как ладить с людьми, и именно там я решил, в каком направлении я хотел бы двигаться дальше. Я думал, что важнее быть хорошим знатоком в какой-то узкой специальности, чем быть звездой в более многопрофильной профессии. В отказе от курения и выпивки тоже есть

ценность. А еще важно следовать жестким правилам, вроде тех, что на нас накладывала моя бабушка. Не делай то и это, и еще много чего.

Не имея контактов с матерью, я научился еще больше дожить влиянием, которое на меня и мое поведение оказывал отец. Он был рабочим человеком, я видел его нечасто, а любовь его сестры заменила мне материнскую любовь. Мой отец и моя тетя Мэри познакомили меня с тем, что такое дисциплина, и это помогло мне двигаться в правильном направлении. Они были отличными учителями, равно как и мои братья и сестры. Думаю, я не осознавал, что такое урожденный квакер, пока не стал взрослым. Тогда я понял, откуда у меня появились мои убеждения и мои ценности.

Во время учебы в школе-интернате часто доводилось общаться с родственниками по материнской линии. Мои дедушка и бабушка жили на взгорье, всего в пятнадцати минутах ходьбы от Олни, стоило лишь пересечь долину. Я добирался туда, проходя по пересеченной местности через пару пастбищ и небольшой ручей. Я приходил к ним по субботам в свободное от занятий время. Мне всего лишь надо было сделать соответствующую запись в школьной книге регистрации отсутствующих: «Я пошел к старикам».

В то время моя мать как раз жила там, в родительском доме. Общение с ней было для меня в новинку. Мама в основном проводила время в своей комнате наверху, но иногда спускалась вниз запустить руку в сахарницу, чтобы по-

радовать себя сладеньким. Когда я учился на третьем курсе в Олни, здоровье моей бабушки ухудшилось, ей нужен был постоянно присутствующий помощник. Однако моя мать не разрешила бы постороннему человеку находиться в доме. Именно тогда ее перевели в лечебницу в Кембридж, штат Огайо, и там поставили диагноз депрессия. Мама страдала от нее на протяжении большей части своей жизни. Еще у нее нашли диабет.

Я неоднократно навещал маму, и она всегда была весела и рада видеть меня. Она помнила всякие даты: наши дни рождения и день ее свадьбы. Хотя мама никогда не проявляла насилия, но однажды почему-то сожгла наши свидетельства о рождении. Ее поведение было, вероятно, иррациональным, и она не понимала важности документов. Путаница в ее голове, возможно, шла от принципа квакеров противостоять политике властей. Ее лечили электричеством, и я все думал, что ее замкнутость, возможно, объяснялась именно этим лечением. Пока мама жила со своими родителями, она писала письма моему отцу в Фэрхоуп и все время беспокоилась о том, чтобы папа вернулся в их старое домашнее гнездо в Огайо.

Я помню маму как любящего человека. Я всегда думал, что современный уровень медицины и сегодняшнее лечение могли бы исцелить душевные раны моей матери. Ее лечили от диабета, и это продлило ее жизнь. Она умерла в лечебнице в 1969 году от осложнений после диабета. Мой брат Клифф

и его жена Дотти были у ее смертного одра, поэтому мама, по крайней мере, не умерла в одиночестве».

В первый год учебы Вольфа в школе-интернате в мире произошли события, которые оказали глубокое влияние на все человечество: самоубийство Гитлера, казнь Муссолини, создание Организации Объединенных Наций, атомная бомбардировка Соединенными Штатами Хиросимы и Нагасаки и День Победы – конец Второй мировой войны. Президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт скончался от кровоизлияния в мозг, и в Овальный кабинет въехал Гарри Трумэн.

Трумэн – сторонник реформ в области социального обеспечения и поборник изменений в законах о гражданских правах – столкнулся с сильной оппозицией даже в рядах своей собственной Демократической партии. Фракция партии на Юге решительно противостояла его попыткам покончить с сегрегацией в школах. Рост военного комплекса в Соединенных Штатах все чаще отражался на принятии политических решений. Несмотря на свою несколько более мягкую внутреннюю политику, во внешней политике именно президент Трумэн санкционировал использование атомных бомб против Японии. Недоверие ко всему, исходящему от Советов, подтолкнуло Трумэна к холодной войне, которая продолжалась почти пятьдесят лет. В 1950 году он бросил американских солдат в горнило Корейской войны. В то же время Трумэну удалось найти компромисс между своими про-

тиворечивыми стремлениями, когда в 1948 году он отменил сегрегацию в вооруженных силах США.

Вторая половина 1940-х годов была беспокойным временем для Соединенных Штатов, когда страх Америки перед коммунизмом повлиял на многие политические решения. Росла активность людей, защищающих гражданские права. Профсоюзы боролись за права рабочих, повсюду шли забастовки. Послевоенная экономика способствовала росту благосостояния, и в то же время в стране не хватало основных продуктов, что доставляло беспокойство населению. Закон о выборочной подготовке и службе 1940 года, который регулировал призыв молодых людей на военную службу, также подвергся изменению.

В 1948 году, на последнем году обучения Вольфа в школе, произошли два события, которые обострили региональные конфликты и обеспокоили пацифистов во всем мире. Недавно созданная Организация Объединенных Наций санкционировала разделение Палестины для создания еврейского государства под названием Израиль, а в новой независимой Индии был убит Махатма Ганди. В Олни студенты-квакеры постоянно обсуждали события в мире и с неустанным интересом следили, в частности, за тем, в каком направлении движется политика призыва в армию своей страны.

После окончания учебы Вольф вернулся в Фэрхоуп. Лаки оставалась в школе, ей нужно было отучиться еще два курса. Она и Вольф уже договорились, что после завершения ее

обучения, они вместе будут строить свое будущее. Тем временем Вольф стал помогать отцу на его молочной ферме. Когда отец узнал, что Вольф и Лаки намерены пожениться, он прикупил еще двадцать акров земли, расширив семейные владения. Предполагалось, что все они будут жить и работать вместе.

К концу 1948 года американское правительство восстановило призыв в армию. Вольф и его друзья из Фэрхоупского месячного собрания квакеров, Марвин Роквелл с племянниками Говардом-младшим и Леонардом Роквеллом, должны были принять решение, как им следует реагировать на призыв стать под ружье в мирное время. Будучи квакерами, они в соответствии со своими убеждениями оказались отказниками.

«Все знали о том, что происходит в мире. Во время Второй мировой войны мой брат Клифф был призван в армию и отправлен в лагерь общественной гражданской службы (ОГС). Квакеры на своих собраниях собирали деньги для поддержки людей, несущих службу в этих лагерях. Отказники считались годными для альтернативной службы, для работы в проектах по сохранению ресурсов или как сотрудники психиатрических больниц. Кроме того, некоторые молодые люди из числа отказников добровольно участвовали в экспериментах, финансируемых правительством в качестве подопытных. После того как Клифф поработал лесником в лагере ОГС, он пожелал стать подопытным. В этом

качестве он провел два года на Стейтен-Айленде, участвуя в экспериментах с разбавителями крови, например, варфаринном, добровольно подвергался обморожению с использованием сухого льда.

Еще в Олни я думал, что же буду делать, если война по-прежнему будет продолжаться. К моменту окончания учебы я достигал призывного возраста. Окончание войны было большим облегчением, мне не пришлось регистрироваться в военкомате. А потом нас ожидал большой сюрприз. В 1947—1948 годах в призыве был перерыв, после чего было объявлено, что вводится немного модифицированная выборочная служба, а чуть позже призыв будет восстановлен. В 1948 году был принят Закон о всеобщем военном обучении. После окончания школы летом 1948 года мне сразу надо было принимать решение, как реагировать на этот закон, призывающий молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати шести лет на службу в армию.

В это время американцы могли и должны были участвовать в программах помощи в обедневших странах мира. Я полагал: те из нас, кто принадлежал к мирным церквям, могли быть уверены, если зарегистрироваться в военкомате в период, когда войны нет, то нам, гражданам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, будет предложена подобная программа. Однако ничего конкретного не планировалось. Мы ждали, что нам будет предоставлена какая-то гражданская служба. А потом выяс-

нилось: если мы не отметимся в военкомате, будем подвергнуты соответствующей правовой процедуре и тюремному заключению. Максимальным наказанием был штраф в размере 5000 долларов США или пять лет тюрьмы.

Четверо из квакерского собрания в Фэрхоупе – трое Роквеллов и я – решили не регистрироваться для призыва в мирное время. Каждый из нас написал письмо в призывную комиссию, разъясняющее причины такого решения, и после этого мы ожидали «надлежащего процесса». В декабре 1948 года нас арестовали, а 26 октября 1949 года мы были приговорены к одному году и одному дню тюрьмы. Нас этапировали в Федеральное исправительное учреждение в Таллахасси, штат Флорида.

По прибытии в пенитенциарное учреждение мы смогли подать заявления с просьбой об условно-досрочном освобождении. Комиссия по УДО заседала каждые четыре месяца, и, можно сказать, нам повезло предстать перед советом в первый же месяц. Так нам удалось провести в тюрьме всего четыре месяца.

Эти четыре месяца были действительно школой жизни для меня. Я узнал, что другие заключенные сидели в основном за подделку алкоголя и изготовление фальшивых чеков, и понемногу начинал понимать, что было у них в голове. В тюрьме ко всем относятся одинаково, ты всего лишь номер на тюремной робе. Нас вызывали по нашим номерам шесть раз в день для досмотра. Мне удалось получить хорошую

работу на тюремной молочной ферме, что позволяло жить без постоянного ожидания вызова на проверку. Я до сих пор помню наизусть мой номер – 7310. Это имя, каким вся зона называла меня, пока я находился под стражей».

Все четверо освободились 27 февраля 1950 года. Вольф вернулся в Фэрхоуп, намереваясь продолжить работу с отцом на семейной ферме. Но, пока он сидел четыре месяца в тюрьме, с отцом произошел, как это представлялось поначалу, незначительный инцидент. Семье Гиндонов вскоре предстояло понести огромную утрату.

«Я был особенно близок к отцу, поскольку мы много работали вместе. У него было шестьдесят акров земли в Фэрхоупе. Он выращивал картофель и кукурузу, взрастил молочное стадо. Поскольку часто отец бывал в отлучке, я с самого раннего возраста взял на себя ответственность в молочной части его бизнеса. Иногда он работал на нашем тракторе, помогал соседям. В те годы трактора были еще не очень распространены. У него уже в 1929 году был самый первый трактор в округе Бельмонт, штат Огайо. Это был трактор CASE на стальных колесах с лопатками – первый соперник лошадям. Когда мы переехали, он перевез его в Фэрхоуп. Приходилось много пахать на полях южной Алабамы, готовить землю для посевной. Трактор также использовался в уборочную страду и для наполнения силосных башен.

Папе никогда не приходило в голову что-то диктовать нам или читать морали. Я осознавал: когда мы ремонтируем

трактор, занимаемся фермерской работой или путешествуем вместе, мы не должны задавать много вопросов. А когда речь шла о чем-то, что было очень интересно отцу, он делал все так, чтобы мы видели, что он делает, чтобы увиденное шло нам впрок. Теперь эта привычка стала частью моей натуры – не задавать вопросы, а самому пытаться уяснить все мелочи, слушая и наблюдая.

Бывало, мой отец, распахивая почву на соседних участках, зачастую нанимал молодых трактористов-негров, что для той поры было необычно. Наша семья нанимала их работать на нас во время сбора урожая, и они всегда ели за одним столом вместе с нами. Мы считали за честь обедать вместе с ними, в то время как наши соседи смотрели на это хмуро. Если бы мы принадлежали к какой-то другой вере или были бы приверженцами иной религии, то мы в полной мере ощутили бы на себе негодование наших соседей и, может быть, даже акцию Ку-клукс-клана. Но среди Друзей так было принято – работать с неграми и сидеть с ними за одним столом.

Единственным исключением из этого правила для нашего обеденного стола, которое я помню, был случай, когда квакер из группы по сбору урожая, приехавшей из Северной Каролины, сказал, что он не будет чувствовать себя комфортно, если ему придется сидеть за столом с неграми. Тогда тетя Мэри сказала, что это не проблема, и она сейчас же посадит его за столом в подсобном помещении.

Фэрхоуп был коммуной открытого типа, наполненной поселенцами, имеющими разные и весьма продвинутое знания, полученные в Школе органичного образования и в Колонии единого налога имени Генри Джорджа. Это такая налоговая структура, в которой организация взимает налог от стоимости земли как единственного источника доходов, а производственные действия освобождаются от налогообложения. Поскольку эта система способствует эффективно-му использованию земли, ее поддерживают многие альтернативные пользователи. Квакеры прибыли в Фэрхоуп приблизительно в 1918 году с целью создания своего собственного собрания в этом регионе, возможно, потому что тут уже находилась Колония единого налога, но, может быть, в большей степени из-за открытости местной коммуны.

Но даже в этой обстановке просвещенности все еще существовало отдельное негритянское поселение. Негры жили обособленно. У них было особое место, где они должны были жить, и все тут. «Знай свое место в городе Фэрхоуп», если ты негр. В самом Фэрхоупе общество было более терпимым по причине разного происхождения самих поселенцев, но расизм был всегда. Для негров все еще существовали ограничения. Например, они имели право сидеть только на двух рядах сидений в задней части автобуса. У них была своя школа в поселке. Там проводили ежегодный концерт, куда приглашали и нас. Белые люди, как правило, не заходили в эту часть поселения, но члены собрания Друзей все-

гда присутствовали на выпускных церемониях школы. Важно то, что мы могли выступать против расизма, с которым часто сталкивались, и в то же время нам часто приходилось смиряться с этим.

Когда я был в талахасской тюрьме, с моим отцом произошел несчастный случай. Он был высоким человеком, и в тот день работал с двумя другими мужчинами на рычаге, используя шест для поднятия и поворота большого бака для смачивания цемента. Рычаг соскользнул с точки опоры и упал ему на голову. Отец не потерял сознание и позже, когда у него случались головные боли, никак не связывал их с тем несчастным случаем. Боли усиливались, главным образом болела шея. Ему назначали различные процедуры, но хиропрактик и врачи, обследовавшие его, никак не могли понять, что же было не так. Они отправили его к другому специалисту, который обнаружил тромб, и тогда хирург из Бирмингема сделал ему операцию. Она прошла успешно, сгусток крови был удален. В его возрасте – отцу было пятьдесят шесть – он не казался мне очень старым. Однако вместо исцеления работа мозга продолжала ухудшаться. Отец умер спустя несколько дней после операции.

Я только вернулся из Огайо, куда ездил, чтобы отдать кольцо Лаки. Моим родственникам и мне сказали, что отцу потребовалось интенсивное хирургическое вмешательство, и позже сообщили, что операция прошла успешно. Мы думали тогда, что папа будет в порядке. Он умер всего через пару

месяцев после моего выхода из тюрьмы весной 1950 года.

Мне было очень тяжело вернуться к выполнению обязанностей, которые мы делили с отцом до его смерти. Когда наша группа решила поехать в Коста-Рику, мне было невыносимо покинуть Фэрхоуп. По крайней мере, одним из моих утешений было то, что мне уже не придется оставлять отца одного».

Хьюберт и Милдред Менденхолл, как и Вольф, были членами месячного собрания Друзей в Фэрхоупе. С большим трудом при всей своей квакерской чувствительности – они были вынуждены терпеть безудержный рост расходов денег налогоплательщиков на военные цели, и это при колоссальном уровне бедности и голода в мире. Они общались с другими фермерами-квакерами по всей стране, пытаясь понять, как можно использовать беспрецедентные по объему излишки продуктов питания в США для удовлетворения международных потребностей. В мае 1950 года они присоединились к сельскохозяйственному турне по Центральной Америке. Они уже подумывали о том, чтобы покинуть Соединенные Штаты, потому что несогласие с властями своей страны возникало все чаще и чаще. Когда Хьюберт и Милдред приехали в Коста-Рику, их сразу же поразило дружелюбие людей и общая обстановка удовлетворенности в этой стране. Армия здесь была недавно упразднена, и правительство стремилось к дальнейшему развитию сельскохозяйственных угодий. Уже когда Менденхоллы сидели в самолете на пути

домой, они знали, что в этой крошечной стране определилась «их судьба». Хьюберт и Милдред привезли свой энтузиазм в Фэрхоупское собрание.

«Когда мы с Роквеллами вышли из тюрьмы, мы обязаны были работать в рамках программы условно-досрочного освобождения до истечения срока наказания. Теперь, когда мы решили отправиться в Коста-Рику, это стало преградой для нас. Никто из имеющих условно-досрочное освобождение не имел права покидать свой регион без разрешения. И нам, конечно, не разрешили уехать из США. Мы должны были дожидаться окончания срока УДО. К счастью, это задержало нас ненадолго.

После того, как Менденхоллы вернулись из Коста-Рики и рассказали нам обо всем, квакеры из собрания Друзей в Фэрхоупе – человек двадцать пять или около того – решили переехать в Коста-Рику. Мы отправили сначала туда троих, чтобы наладить побольше контактов. У оставшихся было время подучить испанский язык и подготовиться к отъезду из страны.

Самым важным для меня прежнего было выступление против того, что, как мы знали, было неправильным. Речь шла о введении властями США обязательной воинской повинности в мирное время, что случилось впервые в истории этой страны. Мы выступили против этого, не поддерживая саму идею войны. Наше сопротивление выразалось тем, что мы не регистрировались в военкоматах, и нашим последую-

щим шагом – отъездом в Коста-Рику».

3. В поисках мира

«Если говорить о решении приехать сюда и о том, как мы стали теми, кто мы есть сейчас, то, наверно, превращение – правильный термин... Ну, в общем, если говорить о том, как мы довели до конца то, что делали по-своему. Самым трудным решением для некоторых из наших самых молодых Друзей было решение не регистрироваться для призыва в армию в мирное время. Поддержка, которую мы получили от квакерского собрания в Фэрхоупе, была очень важна для нас и тогда, и потом, когда мы уже рассматривали возможность отъезда в Коста-Рику группой. Понятно, что в пользу Коста-Рики говорила новая конституция этой страны, отменившая армию. Это был дополнительный плюс в списке причин для отъезда в эту страну.

Для нас с Лаки и отъезд, и вообще начало всей этой эпопеи стало возможным лишь благодаря финансовой поддержке Хьюберта и Милдред, предложенной ими после кончины отца. Моего наследства хватало только для начала работы на месте, для покупки лошади и скота. Но переезд нам самим был не по карману».

Вольф на привале на Речной Тропе

Коста-Рика – небольшая развивающаяся страна в Центральной Америке. Расположенная между Никарагуа и Па-

намой, она как мост между мощной Северной Америкой и напористой Южной Америкой. Коста-Рика хлебнула горя: она пережила и вторжения, и социальные волнения, ее раздирала политическая борьба. Гражданская война 1940-х годов привела к переменам. Были проведены прогрессивные социальные реформы, среди которых – отмена армии в 1948 году. С той поры Коста-Рика приютила сторонников демилитаризованного общества со всего мира, тех, кому нравилось жить в стране пышных тропических лесов и мягких песков южных пляжей.

Местное население – тикос – теплы и приветливы, как чашка свежесваренного кофе. Наряду с сахарным тростником и разнообразными фруктами и овощами, кофе является одной из культур, выращиваемых на волнистых холмах, характерных для большей части ландшафта. Хотя Коста-Рика была и остается образцом для подражания в экологической политике и в политической стабильности, в последние годы, как это часто бывает, некоторые негативные аспекты прогресса и развития в этой стране отразились на ее репутации и подпортили некогда чистую окружающую среду.

Я очень мало знала о Коста-Рике в январе 1990 года, когда решила расторгнуть свой неудачный брак. За несколько месяцев до этого решения я встретила с Марийкой Михайлович. Мы познакомились во время протестного блокирования строительства лесозаготовительной дороги в Темагами, Онтарио. Марийка тогда только что вернулась из Монтеверде,

где она трудилась как волонтер. Она часто рассказывала мне о красоте этого региона и об интересной коммуне квакеров, которые активно занимались сохранением природы и миротворчеством.

Когда я, наконец, решила расстаться со своим мужем, мысль о том, что сейчас самое время для отъезда и для исцеления в Монтеверде, показалась мне привлекательной. Марийка возвращалась туда для продолжения своей волонтерской деятельности, и я тоже решила отправиться на юг вместе с ней. Когда я прочитала о Коста-Рике, то была поражена тем, что в этой маленькой стране не было постоянной армии, хотя находилась она в окружении стран, где военный хаос и социальные волнения – обычное дело. Окончательное решение пришло с пониманием того, что тамошние власти можно считать вполне «зелеными». А моя любовь к латиноамериканским ритмам стала последней соломинкой. Поскольку я искала успокоения своей душе, подумала, что Коста-Рика, возможно, то самое место, где этот покой можно обрести.

Решение Вольфа, Лаки и других квакеров из Фэрхоупа о переезде в Коста-Рику был схож с моим. Они тоже были в поисках мира и успокоения. Соединенные Штаты в 1940-е годы наращивали свою мощь милитаристской державы. Невозможно было жить в Америке, работать как обычный гражданин и при этом не платить налоги, идущие на насыщение растущих appetитов военной машины. Квакеры по-

нимали, что им надо будет всерьез рассматривать вариант переезда в другую страну. Окружной судья США Джон Макдаффи, председательствующий на суде над четырьмя молодыми людьми из Фэрхоупа, отказавшимися от призыва, оказался в трудной ситуации. Не желая вынесением слишком сурового наказания делать из них мучеников и, в то же время, полностью оправдать их, он четко определил свою позицию словами, которые были приняты близко к сердцу всеми, кто их услышал: «...Это правительство законов, а не людей, и пока вы здесь живете, вы должны соблюдать законы этой страны... Те же, кто выступает против законов этой страны и этой формы правления, даже если они приведут к войне, должны покинуть эту страну и жить вне ее».

В поисках новой жизни группа квакеров составила список требований к тому месту, куда они были бы готовы переехать. Это должна была быть страна с природной средой и политическим климатом, в которых они могли бы жить. В этой стране должна быть земля, которую они могли бы купить и работать на ней, чтобы получать урожай. Они рассматривали Канаду как вариант, но идея переезда в более холодную страну им не понравилась. Решение было принято, когда Хьюберт и Милдред Менденхоллы вернулись из своей поездки в Центральную Америку. Они находились под сильным впечатлением, полагая, что Коста-Рика – страна их мечты. Пришло время реализовывать намеченные планы.

«Я ничего не знал о Коста-Рике. На наших уроках приро-

доведения в Олни мы изучали историю – события, которые происходили в Латинской Америке. Но я никогда не слышал об этой стране до той поры, пока не прочитал статью в Reader's Digest. В ней цитировался Пеппе Фигерес, один из основных лидеров революции 1948 года. Именно Фигерес пригласил людей из развитых стран приезжать в Коста-Рику, инвестировать в эту республику. Он просил помощи в деле превращения преимущественно покрытой лесами местности в плодородные сельскохозяйственные земли. Леса занимали более пятидесяти процентов от общей площади территории страны. Это подвигло меня к мечте о преобразовании земель, покрытых лесом. Такие земли были гораздо дешевле».

В ноябре 1950 года квакеры начали переезжать семьями в Коста-Рику. Одна группа передвигалась по суше на машинах, загруженных личными вещами. Это была поездка, богатая событиями, и длилась она три месяца. Другая группа переселенцев отправилась самолетом, отправив свой скарб по морю. Вольф и Лаки были частью того контингента, который отправился в свой будущий дом по воздуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.